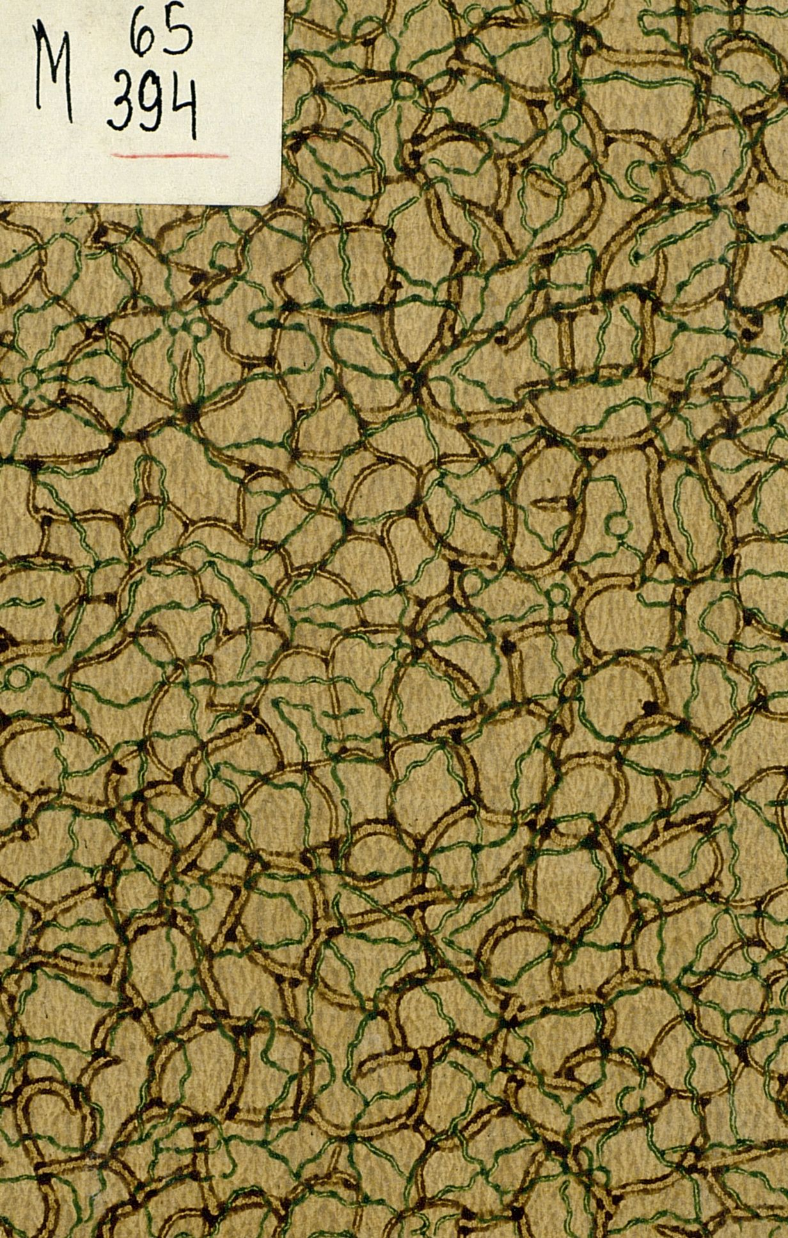

П	65
	394

Змей-Тугарин
название
и проч. рассказы

1895

Дата	Что выдано	Кому	Куда
	1958		
30/7	в шкаф	690	
		172	
	90		
14/7	Арсеньева 28/(11)		

ЗМѢЙ-ТУГАРИНЪ

И ПРОЧ. РАЗСКАЗЫ

Дозволено Цензурою Москва, 28 Декабря 1895 года.

ЗМѢЙ-ТУГАРИНЪ.
(Былина).

КУКЛЫ МАЛЕНЬКОЙ ЦАРЕВНЫ.
(СКАЗКА).

ДВОЙНИКЪ.
(Святочный разсказъ).

ПРІЕМЫШЪ.
БЫЛЬ.

МОСКВА
Изданіе книгопродавца А. Д. Сазонова.
1896.

Дозволено Цензурою Москва 30 декабря 1895 года.

Типографія Ѳ. Е. Ермакова. Пятницкая улица, соб. домъ.

ЗМѢЙ ТУГАРИНЪ.

(Былина.)

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ близъ стольнаго Кіева града, пируетъ Владиміръ, и съ нимъ молодъ и старъ, и слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ — ой, ладо, ой, ладушко — ладо! И молвитъ Владиміръ: что-жъ нѣту пѣвцовъ? Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада! И вотъ изъ дальнихъ рядовъ незнакомый выступаетъ пѣвецъ на княжескій зовъ. Глаза словно щели, растянутый ротъ, лицо на лицо не похоже, и выдались скулы углами впередъ, и отъ ужаса ахнулъ русскій народъ: ай, страшная рожа! И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ: —владычество смѣлымъ награда! Ты, княже, могучъ и казною богатъ, и помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ. Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ, настанетъ тяжелое время, твой Кіевъ обнимутъ и пламя, и

дымъ, и внуки твои будутъ держать золоченое стремя моимъ внукамъ! И при такомъ словѣ вспыхнулъ Владимiръ, досада загорѣлась въ очахъ, но вдругъ засмѣялся и хохотъ кругомъ въ рядахъ прокатился, какъ громъ по небу. Смѣется Владимiръ и съ нимъ смѣются сыновья смѣется потупясь княгиня, смѣются бояре, смѣются князья, удалый Поповичъ и старый Илья, и смѣлый Никитичъ Добрыня. Пѣвецъ продолжаетъ: смѣшна моя вѣсть, и вашему уху обидна? Кто могъ бы изъ васъ оскорбленiе снесть! Безцѣнное русскимъ сокровище честь ихъ клятва: да будетъ мнѣ стыдно! На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ, обиды смываетъ съ нихъ поле, но дни, погодите иные придутъ, и честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ, а вѣче—каганская воля!—Стой, молвитъ Илья, твой хоть голосъ и чистъ да пѣсня твоя не пригожа! Былъ воръ Соловей, какъ и ты голосистъ, да я пятерней приглушилъ его свистъ, - съ тобой не случилось бы тоже! Пѣвецъ продолжаетъ: и время придетъ, уступитъ нашъ ханъ христiанамъ, и снова подымется русскiй народъ, и землю единый изъ васъ соберетъ, но самъ же надъ ней станетъ ханомъ. И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ подобенъ кумиру средь храма и будетъ онъ спины вамъ бить

батожьемъ, а вы ему стукать да стукать челомъ — ой горькій срамъ!—Стой молвитъ Поповичъ, хоть дюжій твой ростъ, но слушай поганая рожа: зашла разъ корова къ отцу на погостъ, махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ, тебѣ не было бы того же! Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть: обычай вы нашъ переймете, на честь вы поруху научитесь класть, и вотъ, наглотавшись татарщины всласть, вы Русью ее назовете! И съ честной поссоритесь вы стариной, и предкамъ великимъ на соромъ, не слушая голоса крови родной, вы скажете; станемъ къ Варягамъ спиной, лицомъ повернемся къ Обдарамъ!—стой! молвитъ, поднявшись, Добрыня, не смѣй, пророчить такого намъ горя. Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей; ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй, приплывшій отъ чернаго моря! На крыльяхъ бумажныхъ, ночною порой, ты часто вкругъ града Кіева леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой поподчую я каленою стрѣлой.

И Началъ Добрыня натягивать лукъ, и вотъ, на потѣху народу, струны богатырской послышавши звукъ, во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ и съ шипомъ бросается въ воду.—Тьфу, гадина! молвитъ Владиміръ, и носъ зажалъ отъ несноснаго смра-

да, чего ужь онъ въ скаредной пѣсни не несъ, но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ—ой, ладушко ладо! А змѣй по Днѣпру разстилаясь, плыветъ, и смѣхомъ преслѣдуя гада, по немъ улюлюкаетъ русскій народъ — чай пѣсни теперь уже намъ не споетъ. Смѣется Владиміръ: вишь выдумалъ намъ: какимъ угрожать онъ позоромъ! Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ! Чтобъ спины подставили мы батогамъ! Чтобъ мы повернулись къ Обд рамъ! Нѣтъ шутишь! Живетъ наша русская Русь, татарской намъ Руси не надо! Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь, за честь нашей родины я не боюсь. А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась, потомки бѣду перемогутъ! Бываетъ, примолвилъ свѣтъ солнышко князь, неволя заставитъ прыгать черезъ грязь, купаться въ ней свиньи лишь могутъ! Подайте жъ мнѣ чару большую мою, ту чару добытую въ сѣчѣ, добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою, за русскій обычай до дна ее пью, за древнее русское вѣче! За вольный, за честный славянскій народъ, за колоколъ пью Новограда, и если онъ даже и въ прахъ упадетъ, пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ. Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ, кѣмъ русская сила подъята, кѣмъ

славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ пріутихъ, за синее море, которое ихъ, шумя, принесло отъ заката! И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ, какъ плескъ лебединаго стада, какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ, народъ отвѣчаетъ за князя мы пьемъ. Да правитъ по русски онъ русскій народъ, а хана намъ даромъ не надо! И если настанетъ година невзгодъ, мы, вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ.

Пируетъ Владиміръ со свѣтлымъ лицомъ, въ груди богатырской отрада; онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ, и весело слушать ему надъ Днѣпромъ ой, ладушко — ладо. Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ, пируютъ посадники града, пируетъ весь Кіевъ, и молодъ, и старъ, и слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ — ой, ладушко — ладо!

Гр. А. Толстой.

Куклы маленькой царевны.

(Сказка.)

Жила—была царская дочка и достигл такого возраста что умѣла уже играть в куклы. Отецъ и мать любили ее, любили тетки. Пріѣзжали къ нимъ въ гости корол и принцы и привозили царевнѣ все луч шихъ и лучшихъ куколъ. Были между ни ми и брюнетки, и блондинки въ дорогих нарядахъ, и тиролька—крестьянка, и гусар со шпорами, и пестрый арлекинъ, и заяц умѣющій бить въ барабанъ.

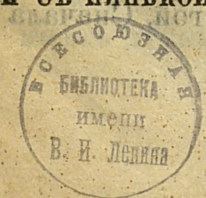
Былъ, конечно, и сказочный дѣдъ черно моръ съ огромной бородой. Много было ку колъ. Но не умѣли эти куклы заслужит любовь маленькой царевны. Всѣ-то был онѣ глупы, смотрѣли другъ на друга, вы пуча глаза и даже „добраго утра“ не могл

выговорить. Гораздо больше нравились ей куры на птичномъ дворѣ. Были тамъ и бѣлыя, какъ снѣгъ, съ мохпатыми ногами и султанами, какъ у жандармовъ. Были черныя съ краснымъ, какъ кровь, гребнемъ. И всѣ онѣ расхаживали такъ кокетливо, помахивая крыльями и разговаривая между собой. Одна гововоритъ, другія понимаютъ. А когда пѣтухъ заприметитъ въ облакахъ опасную птицу и закудахтаетъ, всѣ цыплята бѣгутъ къ матери, и она прячетъ ихъ подъ себя. У маленькой царевны была нянька и гувернантка, которыя повсюду ходили съ ней.

— Почему, спрашивала царевна,—куры ходятъ и разговариваютъ а куклы нѣтъ? нянька не умѣла отвѣтить, спросила царевна гувернантку, та столько же знала, сколько и нянька. Наконецъ она обратилась къ матери.

— А потому, что Богъ такъ устроилъ: куры живыя, а куклы не живыя.

Маленькая царевна поняла это объясненіе, потому что была очень умный ребенокъ. Ей шелъ шестой годъ. Но понявъ, она не успокоилась. Однажды, когда снова пришли они съ нянькой и гувернанткой на птичный

дворъ, царевна увидала, что птичникъ клалъ яйца въ корзину и сажалъ на нихъ насѣдку.

— Зачѣмъ она садится на яйца? спросила царевна у няньки.

Нянька отвѣтить не смѣла. Царевна къ гувернанткѣ. Эта не знала. Птичникъ слышалъ вопросъ царевны и открылъ ей тайну:

— А вотъ курица посидитъ на яйцахъ и выведутся цыплята.

И онъ принесъ царевнѣ корзину вмѣстѣ съ насѣдкой, у которой уже выклевывались цыплята. Какъ разъ изъ подъ матери выходилъ одинъ цыпленокъ; кусокъ скорлупы былъ у него на головкѣ, въ другомъ онъ сидѣлъ самъ и долбилъ ее носикомъ. Цыпленокъ понравился царевнѣ, и она гладила его по теплому желтому пушку.

— Теперь я знаю, въ чемъ дѣло, сказала царевна про себя. Но она удержалась и не высказала свою мысль. Не все вѣдь можно говорить нянькѣ и гувернанткѣ.

Ложась въ постель, она собрала всѣхъ своихъ куколъ, уложила ихъ подъ подушку и легла на нее. Она была убѣждена, что куклы оживутъ. Дѣйствительно такъ и случилось. Какъ только куклы согрѣлись, онѣ начали высовывать головки изъ подъ подушки и вылѣзать одна за другой. Сначала вы-

шла брюнетка въ красномъ платьѣ, затѣмъ блондинка въ голубомъ. Пока онѣ не видали одна другую, были милы и хороши, но какъ только разсмотрѣли другъ друга, заплакали обѣ сразу и бросились къ матери.

Мать эта была, конечно, царевна.

— Я хочу такую же черную косу, какъ у ней, кричала бландинка.

— Я хочу такое же голубое платье, какъ у сестры.

— Я хочу красное платье!

— Какая я тебѣ сестра? Ты старуха!

Онѣ начали драться.

— Ахъ, какія дурныя дѣти! вздыхала царевна. Ну, какъ ихъ помирить?

Потомъ вышелъ арлекинъ. Въ рукѣ у него была деревянная сабля, онъ замахалъ ею и запѣлъ романсъ.

— Это мнѣ серенада!

— Нѣтъ мнѣ!

Къ вечеру вывелся гусаръ. Онъ закрутилъ усы и щелкнулъ шпорами. Подошелъ къ арлекину и нахлобучилъ ему шапку до самаго подбородка. Паяцъ разсердился и вызвалъ его на дуэль. Вынули сабли и стали биться.

— Бѣда съ ними! Они изрѣжутъ другъ друга! кричала царевна. Ахъ какое несчастіе имѣть дурныхъ дѣтей!

Выползъ заяцъ и ударилъ въ барабанъ. Оба героя такъ испугались, что убѣжали за занавѣску.

— Вотъ такъ храбрецы! укоряла ихъ царевна.

Не стоили вы, чтобы и на свѣтъ Божій выйти. Что съ такими трусами? Женить ихъ надо - авось поумнѣютъ. Какъ добрая мать она нашла каждому пару. Арлекину дала брюнетку, Гусару блондинку.

— Не разсуждать! Смирно! Я такъ хочу!

Подошелъ Черноморъ — дѣдъ съ бородой.

А у него ноги не двигаются. Ай—ай! Какой стыдъ! старый человѣкъ, а должно быть изрядно выпилъ. Дѣдушка, приди же въ себя. Вотъ обѣ пары.

Но пока черноморъ ковылялъ, они уже успѣли перемѣнить невѣстъ: гусаръ подхватилъ брюнетку, арлекинъ блондинку. Наконецъ разозлился и старикъ. Взялъ палку и началъ ихъ разгонять. Глядь гусаръ съ арлекиномъ подхватили тирольку подъ руки.

— Нельзя, нельзя! воскликнула царевна. Вотъ я васъ! Маршъ въ школу! ты, гусаръ въ академію, а ты въ университетъ.

Дѣдъ — Черноморъ схватилъ обоихъ за уши и повелъ одного въ академію, другого

въ университетъ. Пусть учатся по-нѣмецки, по гречески, пусть скрипятъ зубами!

Но вотъ еще вывелись двѣ куклы и жаль, что вышли, право! Одинъ еврей съ длинными пейсами и бородой, другой—арендаторъ въ красномъ жилетѣ. Оба говорили о какомъ-то большомъ долгѣ, который сдѣлали гусаръ съ арлекиномъ, и требовали уплаты. Тысячу, двѣ тысячи, три тысячи гульденовъ.

Царевна совсѣмъ разсердилась:

— Не хочу я ничего платить за этихъ негодныхъ. И заступаться не хочу. Заприте ихъ въ тюрьму! Ни крейцера не заплачу. Такъ до нищенской сумы дойдешь. Что вы мнѣ бумаги показываете? Я еще читать не училась!

Только что раздѣлалась съ этими—новая опасность. Тиролька поссорилась съ дѣвицами. Кухарка отказалась, собралась и ушла. И вотъ царевнѣ самой приходится стряпать. Ну ужъ и была стряпня! Разрубила мясо, очистила рыбу, накрошила луку, кореньевъ. Глядь молоко выкипѣло, супъ подгорѣлъ, дымъ и смрадъ на всю кухню. Царевнѣ сдѣлалось дурно, когда обѣдъ подали на столъ счастье, что въ эту минуту ее разбудилъ поцѣлуй матери. Царевна начала

легче дышать и проговорила, обнявъ мать рученками за шею:

— Нѣтъ, это Богъ хорошо устроилъ, что куры живыя, а куклы не живыя. Вѣришь, мама, я всю ночь съ ними промучилась.

Двойникъ.

(Святочный разсказъ).

Къ зимѣ 1761 года зимній дворецъ былъ почти оконченъ знаменитымъ архитекторомъ, Растрелли, лѣса были сняты; но дворцовая и Адмиралтейская площади были еще заняты бараками, складами и мастерскими.

Зданіе, величественное въ цѣломъ, уже высилось на берегу Невы. Оно было такъ же велико, какъ и настоящій дворецъ, а архитектура его рѣзко бросалась въ глаза тѣмъ изяществомъ и грандіозностью, какими отличаются всѣ зданія Растрелли: Пажескій корпусъ, царско-сельскій дворецъ и многія другія.

Внутри дворецъ былъ почти весь отдѣланъ, только въ немъ не доставало мебели, а потому императрица Елизавета Петровна туда не переѣхала на зиму, а осталась въ дере-

вянномъ дворцѣ своемъ, который находился у Полицейскаго моста на углу Невскаго и большой Морской, гдѣ нынѣ благородное собраніе.

Но такъ какъ зимній дворецъ былъ уже окончательно внутри отдѣланъ и освященъ, то не только дворцовая гауптвахта была уже занята, но дежурство лейбъ-кампанской роты было уже установлено передъ тронымъ заломъ.

Тронный залъ былъ роскошно отдѣланъ и въ концѣ его высился изящный и цѣнный тронъ, крытый бархатомъ.

Въ концѣ октября государыня посѣтила дворецъ и, обходя его, выразилась передъ лейбъ-кампанцами, что въ немъ такъ пріятно, такъ удобно, что она, быть можетъ, переѣдетъ туда въ тотъ же день.

Лейбъ-кампанцы были поэтому убѣждены, что она переѣхала во дворецъ, такъ какъ гофмаршалъ князь Куракинъ въ тотъ же день туда переселился.

Убѣдило ихъ въ томъ еще одно обстоятельство: часовъ въ одиннадцать ночью они услышали сильный шумъ въ тронномъ залѣ, ключа въ дверяхъ не было, а потому одинъ изъ лейбъ-кампанцевъ заглянулъ въ замочную скважину и, къ своему удивленію,

увидалъ въ залѣ сильный свѣтъ и на противоположномъ его концѣ на тронѣ императрицу Елизавету Петровну. На ней была маленькая бриллiантовая корона, штофное платье, шитое серебромъ, а на шеѣ дорогой жемчугъ; черезъ плечо виднѣлась екатерининская лента, и бриллiантовые орденскiе знаки сiяли на груди. Лейбъ-кампанецъ передалъ объ этомъ товарищамъ, и каждый изъ нихъ въ щелку полюбовался государыней.

Прошло такимъ образомъ съ полчаса, и дежурнымъ офицеромъ явился гофмаршалъ князь Куракинъ, осматривавшiй, передъ отходомъ ко сну, всѣ посты.

Лейбъ-кампанцы объявили ему, что государыня, вѣроятно, ночуетъ во дворцѣ, такъ какъ они недавно видѣли ее въ залѣ на тронѣ, и что залъ былъ сильно освѣщенъ, и только не давно свѣтъ потухъ.

Князь Куракинъ былъ удивленъ этимъ сообщенiемъ и тотчасъ обошелъ весь дворецъ; но оказалось, что императрица туда не переѣзжала.

Гофмаршалъ тотчасъ поскакалъ къ Полицейскому мосту, во дворецъ императрицы, и тамъ ему сказали, что государыня и не

думала переѣзжать въ Зимній дворецъ, а напротивъ, по болѣзни, раньше обыкновеннаго легла почивать.

Куракинъ потребовалъ къ себѣ безсмѣнную камеръ-юнгферу, которой передалъ о явленіи въ тронномъ залѣ.

Та удивилась и сказала:

— Да государыня еще не спитъ; она было вздремнула и проснулась; я только что отъ нея... Я тотчасъ доложу ея величеству.

Она отправилась въ спальню императрицы, и, нѣсколько минутъ спустя, вышла къ гофмаршалу:

— Ея величество приказали разслѣдовать это дѣло. Она говоритъ, что это глупая шутка, а если повторится она, то стрѣлять въ ту, которая дерзаетъ надъ нею глумиться въ виду лейбъ кампанцевъ.

Князь Куракинъ уѣхалъ въ Зимній дворецъ и прямо направился къ дежурству передъ троннымъ заломъ.

Онъ передалъ гвардейцамъ, что царица у себя въ спальнѣ и легла рано спать, и что теперь, проснувшись, она отдала повелѣніе стрѣлять въ ту особу, которая играетъ такую шутку.

— Поглядите, ваше сіятельство, возразилъ на это одинъ изъ лейбъ-кампанцевъ, вновь

въ щелку замка, и вы увидите и свѣтъ, и императрицу. Минутъ съ десять до вашего пріѣзда явленіе это вновь повторилось.

Князь заглянулъ въ щелку и увидалъ тоже самое, что и гвардейцы: на тронѣ сидѣла сама императрица, освѣщенная сильнымъ, но какимъ-то необыкновеннымъ матовымъ свѣтомъ...

— Друзья мои, воскликнулъ тогда гофмаршалъ, со мною ключъ отъ троннаго зала. Зарядите свои мушкеты, войдемъ туда тихо и исполнимъ повеленіе императрицы: стрѣляйте въ нахалку, которая дерзаетъ глумиться надъ ея величествомъ. Но лейбъкампанцы рѣшительно отказались это сдѣлать.

— Помилуйте, говорили они, да вѣдь сама матушка царица тамъ, какъ же мы стрѣлять-то будемъ? Пускай сюда пожалуетъ, и коли мы ее увидимъ здѣсь, да она прикажетъ, иное дѣло.

Нечего дѣлать, — пришлось князю возвратиться къ императрицѣ.

Она было вновь вздремнула, но проснулась, и потребовала свою камеръ юнгферу извѣстную Ивановну.

Та передала ей вновь о явленіи во дворцѣ и сомнѣніи гвардейцевъ.

— Въ такомъ случаѣ,—разсердилась ц-
рица: я сама туда поѣду... Одѣваться!

— А экипажъ, ваше величество?

— Я поѣду съ княземъ Куракинымъ.

Она поспѣшно одѣлась, накинула на се
шубку и уѣхала въ Зимній дворецъ со с
имъ гофмаршаломъ.

Сердце у нея замерло, когда лейбъ-ка
панцы, увидя ее, начали цѣловать ея ру
и говорить о странномъ явленіи.

— Загляни царица — матушка, сама
дверную щелку и скажи, могли-ли мы ст
лять въ тебя, нашу радость, наше крас
солнышко? Елизавета Петровна взгляну
въ щелку; она сама, какъ есть сидитъ
тронѣ.

— Ишь ты, разсердилась она, и въ ко
нѣ-то моей, которая у меня въ спальнѣ,
желѣзномъ сундукѣ хранится, а ключъ о
него вотъ въ карманѣ... И платье мое л
бимое на ней, виситъ оно у меня въ га
деробной... И жемчугъ мой орлеанскій!.. Д
эту нахалку надо наказать..

— Дѣтушки мои, обратилась она къ гва
дейцамъ: накажите безбожницу, озорниц
Князь, отвори дверь!..

Гвардейцы зарядили свои ружья пулями, князь Куракинъ отворилъ ключемъ дверь, и они послѣдовали за царицей въ залъ.

Необыкновенный свѣтъ, неизвѣстно откуда выходящій, освѣщалъ весь обширный залъ; въ особенности свѣтъ былъ силенъ у трона.

При входѣ туда лейбъ-кампанцевъ видѣніе поднялось съ мѣста и сдѣлало одинъ шагъ, чтобы сойти съ трона.

Лейбъ-кампанцы въ количествѣ шести человѣкъ въ одинъ мигъ подняли ружья, и залпъ раздался, разлившись эхомъ по всѣмъ пустымъ заламъ дворца.

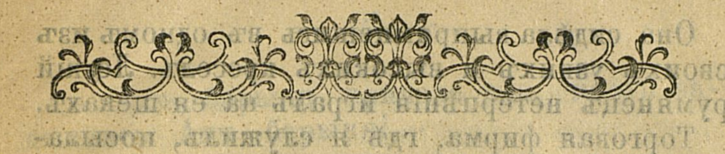
При выстрѣлѣ свѣтъ мгновенно погасъ. Лейбъ-кампанцы бросились въ дежурную комнату за свѣчами, чтобы осмотрѣть залъ и тронъ.

Но выстрѣлъ никакого дѣйствія не произвелъ. Никого и ничего не оказалось. Выйти изъ зала тоже никто не могъ, такъ какъ онъ имѣлъ одинъ только ходъ въ дежурную комнату.

Царица и всѣ присутствовавшіе были смущены и поражены: они никому бы не по-

вѣрили, если бы сами не были свидѣтелями страннаго явленія.

Ровно черезъ 2 мѣсяца, именно 25 декабря 1761 г., въ тотъ же часъ, императрица Елизавета Петровна отошла въ вѣчность.

Пріемышъ.

(Быль.)

Мы сидѣли въ гостинной. Мы, т. е. я и моя тетка, Марья Николаевна Воротынцева. Чистыя стѣны гостинной дѣвственно просвѣчивали сквозь массу нагроможденныхъ на окнахъ и около нихъ растеній. Старинная, покрытая бѣлыми чехлами мебель покорно стояла въ величественномъ порядкѣ. Сама Воротынцева, дѣвица лѣтъ около сорока, высокая, стройная, худощавая, въ черномъ платьѣ, съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ на шеѣ, съ темными, гладко зачесанными назадъ, по мѣстамъ серебрившимися, волосами, и блѣднымъ, почти прозрачнымъ лицомъ,—была очень похожа на монахиню.

Она сидѣла выпрямившись въ одномъ изъ своихъ узкихъ и высокихъ креселъ. Легкій румянецъ нетерпѣнія игралъ на ея щекахъ.

Торговая фирма, гдѣ я служилъ, посылала меня представителемъ въ одну изъ открывавшихся ею конторъ, на югъ Россіи. Я долженъ былъ пробыть тамъ съ мѣсяцъ; жену же я хотѣлъ оставить у тети, такъ какъ она, т. е. жена, а не тетя, находилась въ положеніи, которое принято называть „интереснымъ".

Но тетя не соглашалась. Ея пуризмъ возмущался при мысли, что въ ея домѣ будетъ жить женщина, у которой въ одинъ прекрасный день появится прелестный малютка...

— Нѣтъ, это невозможно! Ты не хочешь же меня убить,—почти простонала тетя на мою настойчивую просьбу.

Въ эту минуту въ передней послышался странный шумъ: кто-то ходилъ, возвращался, бѣгалъ съ мѣста на мѣсто; дверь въ сѣни отворялась и затворялась, слышался какой то пискъ, похожій на мяуканье кошки.

Не успѣлъ я сообразить, откуда является мнѣ неожиданная диверсія, какъ дверь распахнулась, и въ нее вбѣжала запыхавшаяся Петровна, старуха — экономка Марьи Николаевны.

— Ахъ, барыня, кричала она, почти задыхаясь. Ахъ, барыня!..

Прошло почти съ минуту, пока Петровна отдышалась и выстрѣлила, словно изъ ружья.

— Подкинули!

— Что̀ что̀ подкинули? вскричала старая дѣва въ величайшемъ ужасѣ.

— Что̀? Да ребенка!

— Ребенка! Господи!.. Вскрикнула Марья Николаевна и, схвативъ голову руками, какъ бы окаменѣла въ этомъ положеніи.

Въ гостинной наступила тишина.

Петровна стояла у порога, и тяжело дышала. Я пощипывалъ бороду.

Наконецъ, Марья Николаевна, что-то прошептавъ, рѣшилась открыть глаза и спросила Петровну.

— Ты увѣрена, что это дитя?

— А что же бы это было? отвѣчала та. Слава Богу я еще не ослѣпла. Ребенка-то разберу, свои были.

— Молчи, молчи, прервала ее тетка, зажимая уши, которыя, къ слову сказать, раскраснѣлись какъ кораллы. Ты говоришь, что это дитя... Такъ возьми его сейчасъ же и отнеси къ матери!

— Вона, пожала плечами Петровна. Будетъ вамъ такая мать дожидаться, чтобы ей назадъ принесли ребенка.

— О, я несчастная! простонала моя тетка. Ну такъ положи его куда нибудь въ другое мѣсто; однимъ словомъ вынеси его изъ дому, чтобы его тутъ не было!

— Ахъ, тетя, тетя!—вставилъ я, смотря на ея перепуганные, мечущіеся словно ласточка глаза. Да развѣ же можно выбросить изъ дому ребенка? Вѣдь морозъ, холодъ. А онъ можетъ быть, еще голодный, раздѣтый.

Тетя дрожала какъ листъ.

— Боже милосердый, Боже милосердый, повторяла она, складывая руки.

Ну такъ какъ же, барыня? Брать его или не брать? Пищитъ страхъ какъ.

— Іисусе Христе, кричала тетя, въ странномъ волненіи бѣгая по гостинной: Господи помилуй! Какой стыдъ! Я этого не переживу...

Она заломила руки и остановилась, смотря на меня умоляющимъ взоромъ. Мнѣ сдѣлалось ее сердечно жаль.

— Ну, какой тутъ стыдъ, тетя? Успокойся, дорогая!

— Давайте ка сюда этого пассажира, обратился я къ Петровнѣ видя что никто не мо-

жетъ ни на что рѣшиться. Надо его хоть посмотрѣть по крайней мѣрѣ.

Петровна вышла и черезъ минуту принесла свертокъ, внутри котораго раздавался слабый пискъ.

— О, да онъ порядочный уже, замѣтилъ я, присматриваясь къ подкидышу. Что за прелесть! Любопытно, мальчикъ или дѣвочка?

— Ради всего святаго, крикнула тетка, хватая меня за руку: пожалѣй меня!

— Хорошо, хорошо, поспѣшилъ я успокоить ея дѣвическій страхъ.

— Мальчикъ, торжествующимъ тономъ заявила Петровна.

Ему уже мѣсяцевъ пять. Экій славный пузанчикъ! Я подошелъ къ теткѣ которая спряталась въ дальній уголъ гостинной.

— Тетя, сказалъ я, пойдемъ, не бойся! Посмотри, какая прелесть—мальчишка! Право же, чертъ не такъ страшенъ, чудесный ребенокъ!

— Прошу тебя, воскликнула тетка: выражайся поделикатнѣе... Ребенокъ, ребенокъ!.. Ну, развѣ нельзя какъ нибудь иначе?...

Я расхохатался.

— Иначе, вотъ это мнѣ нравится!.. Да какъ же назвать его иначе? Картофель, что-ли?

— Вона, подхватила Петровна: ребенокъ, — вещь извѣстная.

Марья Николаевна стиснула зубы и опустила глаза.

— Тетя, ну, пойди же, посмотри на него! Сдѣлай это для меня, пожалуйста! Ну, посмотри, что за чудесный мальчишка! Какіе глазенки... Да онъ улыбается, ей Богу улыбается...

Она стояла, притаивъ дыханіе, съ расширенными зрачками.

— Возьми, его тетя, на руки, продолжалъ я. Только на одну минуту! Ты увидишь, что это за наслажденіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! крикнула тетка, отступая съ ужасомъ назадъ и заслоняясь обѣими руками.

Тѣмъ временемъ Петровна освободила младенца отъ его грубыхъ полотняныхъ пеленокъ и, посадивъ на руку, подбрасывала слегка на воздухъ.

Ребенокъ расправилъ ручки и ножки, и заливался смѣхомъ.

На фонѣ этой зелени и бѣлыхъ стѣнъ гостинной онъ казался залетѣвшей невѣдомо откуда розовой бабочкой, отъ присутствія которой все, и стѣны, и мебель, и зелень, удивительно повеселѣли.

Тетя, вытянувъ шею и немного пригнувшись, присматривалась къ подкидышу съ величайшимъ любопытствомъ. Ея дыханіе было прерывисто, на лицѣ еще виднѣлся испугъ, но раскрытыя губы невольно заражались какимъ-то сладкимъ чувствомъ.

— Давайте-ка мнѣ его сюда, Петровна! Ну ка, соотечественникъ, пожалуйте!

— Ну вотъ еще, дамъ я ребенка! Еще вы мнѣ его уроните или разобьете...

Это „мнѣ“ было сказано такимъ тономъ, какъ будто Петровна сама его вскормила и поэтому считала ребенка своей неотъемлемою собственностью.

Я разсердился.

— Ничего ему не сдѣлается, пожалуйста, не бойтесь. Пусть только онъ мнѣ ничего не сдѣлаетъ, а ужъ я-то навѣрно ему ничего.

— Давайте же, когда вамъ говорятъ!..

Я взялъ мальчишку на руки.

Онъ смотрѣлъ на меня удивленнымъ серьезнымъ взглядомъ свалившагося съ неба херувима.

— Посмотри, тетя, что это за прелесть, сказалъ я, поднося его къ Марьѣ Николаевнѣ. Посмотри, какъ онъ все разглядываетъ. Это умница будетъ. А какой большой! Ну,

возьми же его, тетя, не бойся? Бѣдный сиротка!..

Лицо старой дѣвы изображало трогательную борьбу. Румянецъ смѣнялся блѣдностью, уста закрывались и раскрывались, а безпомощно упавшія руки придавали всей ея фигурѣ видъ убитый и покорный.

Я наклонился къ ней, мои губы очутились у ея кораллоowaго ушка, въ которое я шепталъ ей:

— Вѣдь, ты же не выбросишь его, тетя? Ты сохранишь это бѣдное существо, этого будущаго человѣка? Не правда-ли? Ты приголубишь его, займешься имъ, дашь ему воспитаніе? Ты извѣдаешь сладость материнскаго чувства, наполнишь пустоту твоей жизни? Неужели ты пожалѣешь ему пищи, заботъ, улыбки? Ты въ своемъ дѣвичествѣ будешь матерью .. Ты исполнишь свое назначеніе!..

Она склонилась головой на мое плечо и, закрывъ лицо рукой, громко зарыдала.

— Ну, возьми же, возьми же его на руки, тетя! настаивалъ я. Прижми его только разъ къ груди. Ты увидишь, поймешь, что это за наслажденіе.

— Я боюсь, шепнула она. У меня руки дрожатъ. Я никогда въ жизни не держала маленькихъ.

— Ну, поди, сядь, тетя, я положу его тебѣ на колѣни. Она позволила подвести себя къ одному изъ креселъ и сѣла.

Я завернулъ ребенка въ валявшуюся на диванѣ голубую шаль и положилъ его теткѣ на колѣни.

Она хотѣла взять его, но ей никакъ это не удавалось.

Петровна пожимала плечами, не скрывая своего негодованія.

— Господи, Боже мой! Да кто же такъ беретъ ребенка? Да вы вотъ какъ,—эту руку подъ плечики, а эту вотъ сюда, подъ спинку... Ну вотъ! Она умѣло уложила руки Маріи Николаевнѣ, которая ежеминутно краснѣла и улыбалась, какъ роза...

Я началъ прощаться

Она подставила мнѣ для поцѣлуя лобъ, не подавая руки, такъ какъ не была увѣрена, которую вынуть безопаснѣе: изъ-подъ плечиковъ или изъ-подъ спинки.

— Привози свою жену, шепнула она. Да ты не очень изнуряй себя, не торопись,— все равно ужъ, а мы безъ тебя, вѣдь, не соскучимся.

И мягкая улыбка озарила ея лицо...

Итакъ, участь пріемыша была рѣшена.

Случайность, вообще играетъ въ жизни человѣческой на послѣднюю роль.

Изъ ребенка вышелъ впослѣдствіи хорошій и честный человѣкъ.

Конецъ.

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ
А. Д. САЗОНОВА,

Никольская ул., у Владимірскихъ воротъ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СОБ. ИЗДАНІЙ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершен таинства покаянія. Архіепископа Костромскаго Платона, двухъ частяхъ, изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Кающійся грѣшникъ. Составилъ П. Лосевъ. Изданіе второе. 1895 стр. 296, цѣна 25 к.

Настольный толковый молитвенникъ для православнаго христіани Составилъ П. Лосевъ. 1895 г., стр. 288, цѣна 20 к.

Старецъ Иларіонъ (Троекуровскій). П. М. Б—й. 1895 г., стр. цѣна 5 к.

Великій молитвенникъ и затворникъ Епископъ Ѳеофанъ, стр. 32. Собра П. Лосевъ. 1894 г., цѣна 5 к.

Оптинскій старецъ отецъ Амвросій. Изданіе второе, дополненное, с 96 Собралъ П. Б—ій. 1893 г., цѣна 10 к.

Краткое православное ученіе о вѣрѣ и нравственности христіанск Платона, Архіепископа Костромскаго. Стр. 176, цѣна 20 к.

Семь словъ о жизни во Христѣ, Архіепископа Ѳессалоникскаго Никол Кавасилы. Переводъ съ греческаго Протоіерея М. Боголюбска Изданіе второе, 1892 г. Стр. 200, цѣна 1 р.

Святѣйшій всероссійскій патріархъ Никонъ,—его жизнь, дѣятельнос заточеніе и кончина. Состав. Н. С—ій. 1894 г. Стр. 320, ц. 65

Священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Составилъ П. Лосе Съ хромолитографиров. картинами. 1895 г. Стр. 556, цѣна 2

Житія святыхъ. Въ 12 книгахъ. Составлено по четьи-минеи Серг емъ П. Извольскимъ. 1895 г., цѣна 4 р.

Потерянный и возвращенный рай, поэмы Іоанна Мильтона, съ хром литографированными картинами. 1895 г. Стр. 376, цѣна 2 р.

Покровъ Божіей Матери надъ Москвою По поводу торжества лѣтія пребыванія въ Москвѣ чудотворной иконы Божіей Мате Владимірскія (26-го августа 1395—1895 г.) П. Казанскій. Стр. цѣна 30 коп

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Жизнь и мученическая кончина свв. князей Бориса и Глѣба. Составил П. Казанскій.

Тайны загробной жизни, открытыя въ видѣніяхъ, о состояніи ду по смерти и о необходимости поминовенія ихъ. Сост. П. Лосе

Жизнь и страданія св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и царицы Александры съ присоединеніемъ описаній чудесъ свята Великомученика. Составилъ П. Лосевъ.

Христіанскій бракъ. 1. Объ обязанностяхъ христіанина въ супру скомъ состояніи. 2. Ученіе св. Іоанна Златоустаго о христіа скомъ бракѣ и обязанностяхъ мужа и жены.

Земная жизнь Пресвятой Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи. Составле на основаніи священнаго писанія, священнаго преданія и саній отцевъ церкви. Сост. П. Лосевымъ.

